

Г. А. Мартинович¹

ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОРМА В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЕЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ (От А. С. Шишкова к Е. Н. Ширяеву)

В проблеме диалога культур определенное место с точки зрения лингвиста занимает и вопрос о заимствованиях, который, как известно, решается далеко не однозначно. Уже в самом раннем периоде становления современного русского литературного языка в среде любителей русской словесности разгорелась горячая полемика о качестве, статусе и судьбе русского языка, не прекращающаяся и по сей день (!). Одним из зачинателей и активных участников ее, как хорошо известно, был член и президент Российской академии, министр народного просвещения Александр Семенович Шишков (1754–1841), издавший в 1803 г. направленную против Н. М. Карамзина и его последователей книгу «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка».

Ниже приводим наиболее, на наш взгляд, показательные и актуальные до настоящего времени выдержки из этой книги с некоторыми попутными замечаниями.

«Всяк, кто любит российскую словесность и хотя несколько упражнялся в оной, не будучи заражен неисцелимою и лишаящей всякого рассудка (! — Г. М.) страстию к французскому языку, тот, развернув большую часть нынешних наших книг, с сожалением увидит, какой странный и чуждый понятию и слуху нашему слог господствует в оных. Древний славенский язык, повелитель многих народов, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилеи был и богат, но еще более процвел и обогатился красотою, заимствованными от сродного ему эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины

и многие другие христианские проповедники. Кто бы подумал, что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего, начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка?» (с. 24)².

«...Нелепицу нынешнего слога называет он приятностию! Совершенное безобразие и порчу оного образованием... ненавидеть свое (это о Н. М. Карамзине, будущем авторе «Истории государства Российского») — Г. М.) и любить чужое почитается ныне достоинством» (с. 25)³.

«Начало оного происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим...» (с. 25–26).

А вот и ответ — великолепный образец спокойного, в меру иронического отношения к явлениям подобного рода:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)

² Здесь и далее после цитат из А. С. Шишкова в скобках указываются страницы по кн.: Критика первой четверти XIX века. М., 2002.

³ «Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведении таланта как счастлирое вдохновение. Сии новые, мысленно одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют: надо только открыть или показать оные» (Карамзин Н. М. Речь, произнесенная на торжественном собрании Российской Императорской академии // Критика первой четверти XIX века. М., 2002. С. 343).

¹ Профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук.

С ее холодною красою
Любила русскую зиму...
Татьяна верила преданьям
Простонародной старины...
(1826)

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык

К почтовой прозе не привык.
Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С «Благонамеренным» в руках!
Я шлюсь на вас, мои поэты;
Не правда ль: милые предметы,
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце¹
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенья,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребление;
Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
По-прежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей;
Раскаяться во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.
(1824–1826)

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.

И (!):

Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою!
(1823)

Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar*. (Не могу...)

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме...)
(1829–1830)

Но тут и А. С. Пушкин не предугадал: «Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе? Ответ — *Карамзина*. Это еще похвала небольшая — скажем несколько слов об сем почтенн<ом>».

«Грамматика не предписывает законы языку, но изъясняет и утверждает его обычаи».

«Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка» (А. С. Пушкин).

Комментарии, как говорится, излишни.

«Для познания богатства, изобилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные: из них научаемся мы... красноречивому смешению славенского великого слога с простым российским, свойственным языку нашему изгибам и оборотам речей; складному или не складному расположению их; краткости выражений; ясности и важности смысла; плавности, быстроте и силе словотечения. Между тем как разум наш обогащается сими познаниями, слух наш привыкает к чистому выговору слов, к приятному произношению оных, к чувствованию согласного или не согласного слияния букв и, одним словом, ко всем сладкоречия прелестям» (с. 26).

Ср.: «Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах... Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают»².

«Сверх сей ненависти (? — Г. М.) к природному языку своему и любви к французскому есть еще другая причина, побуждающая новомодных писателей наших точно таким же образом и в словесности подражать им, как в нарядах. Я уже сказал, что трудно достигнуть до такого в языке познания, какое имел, например, Ломоносов: надлежит с таким же вниманием и такую же грудку русских и еще церковных книг прочитать, какую он прочитал, дабы уметь высокий славенский слог с просторечивым российским так искусно смешивать, чтобы высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого. Надлежит долговременным

¹ Ю. М. Лотман пишет: «По свидетельству Вяземского, в одной из редакций было: “Иль у Шишкова на крыльце”» (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: коммент. Л., 1983. С. 225).

² А. С. Пушкин. [О «Евгении Онегине» и критиках романа] // Русская литература XIX в.: хрестоматия критических материалов. М., 1975. С. 155–156.

искусом и трудом такое же приобрести знание и силу в языке, какие он имел, дабы уметь в высоком слог помещать низкие мысли и слова, таковые, например, как: *рыкать, рыгать, тащить за волосы, подгнет, удалая голова* и тому подобные, не унижая ими слог и сохраняя всю важность оногo» (с. 29–30).

«Избегая сего труда, принимаются они за самый легкий способ, а именно: одни из них безобразят (! — Г. М.) язык свой введением в него иностранных слов, таковых, например, как: *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и тому подобные. Другие из русских слов стараются делать нерусские, как, например: вместо будущее время говорят *будущность*, вместо настоящее время — *настоящность* и проч. Третьи французские имена, глаголы и целые речения переводят из слова в слово на русский язык (калькирование. — Г. М.), самопроизвольно принимают их в том же смысле из французской литературы в российскую словесность... Например: *influence* переводят *влияние* и, несмотря на то что глагол *вливать* требует предлога *в...* располагают нововдуманное слово сие по французской грамматике, ставя его по свойству их языка, с предлогом *на*: *faire l'influence sur l'esprits, делать влияние на разумы*. Подобным сему образом переведены слова: *переворот, развитие, утонченный* (утонченный. — Г. М.), *сосредоточить, трогательно, занимательно* и множество других» (с. 32–33).

А. С. Пушкин в черновике письма к Н. И. Гнедичу перебирает варианты: «Черкешенка моя мне мила, любовь ее [меня трогает] трогает душу...»¹ (<29 апреля 1822 г.>).

В книге В. В. Колесова «Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра» содержится следующее наблюдение: «Уже в 20-е годы XX века известный тогда критик А. Г. Горнфельд писал: “Когда перевалишь далеко за середину жизненной дороги, нелегко мириться с новшествами, необходимость которых кажется сомнительной и даже, например, слово *выявлять*, появившееся в начале нового века, до сих пор неприемлемо для моего словаря <...>. Оно было и остается несерьезным, оно запечатлено умничающей позой, ложным притязанием на глубину, погоней за модой...” (Как это похоже на многие окрики современного ревнителя «нормы», когда возражает он против нового слова!) Однако вот и конец цитаты: “...но из этого нашего ощущения ничего не воспоследует: слово прижилось, и останется, и облагородится давностью”. И *облагородится давностью* — в этом все дело; можно добавить только: если в слове сохранится нужда»².

Прошедшие десятилетия убедительно доказали, что нужда во всех словах, указанных А. С. Шишковым (как и во множестве других заимствований XIX в.), сохранилась, — практически все они успешно вошли в русский язык и, «облагородившись давностью», обогатили и приумножили его словарный запас. Ср. также: *влиять — повлиять*

¹ Русская литература XIX в... С. 118. В романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкин употребляет глагол *трогать* шесть раз. Напомним, к примеру, всем хорошо известное: «Но, получив посланье Тани, Онегин живо тронут был».

² Колесов В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. С. 99.

на... влияние на... оказывать влияние на... и тому подобное — совершенно нормативные конструкции (несмотря на все грамматически «верные» рассуждения А. С. Шишкова). Модель же образования абстрактных существительных с помощью суффикса *-ост-* в современном русском литературном языке весьма продуктивна.

В 1920-е гг. В. И. Ленин пишет заметку «Об очистке русского языка (размышления на досуге, то есть при слушании речей на собраниях)»³. Приведем ее содержание полностью:

«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить “дефекты”, когда можно сказать “недочеты” или “недостатки”, или “пробелы”?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять как новинку иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово “будировать” в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово *bouder* (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать — значит на самом деле “сердиться”, “дуться”. Перенимать французско-нижегородское словоупотребление — значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?» (Написано в 1919-м или 1920 г.)

В. И. Ленин и здесь (как всегда) притягивает все так или иначе к проблемам классовой борьбы, хотя и ставит вопрос об объявлении войны употреблению иностранных слов, однако делает это уже с показательным уточнением — войны употреблению иностранных слов «без надобности».

И все же. Война войной, а *дефекты* вместе с *недочетами, недостатками и пробелами*, а также *изъянами, пороками, несовершенствами и минусами* (разг.)⁴ и по сей день продолжают успешно употребляться каждое на своем месте. Какой богатый выбор! В этом, в частности, и сила, и богатство, и величие, и могущество русского языка.

Зато вопрос об объявлении войны «коверканью» русского языка ставится уже бескомпромиссно.

См., однако, академический (!) Большой толковый словарь русского языка (БТС)⁵:

«Будировать, -рую, -руешь; *нсв.* 1) *Устар.* без доп. Демонстративно не замечать кого-л., подчеркивая свое недовольство кем-, чем-л.; дуться, сердиться. *Дамочка будирует*; 2) *что. Разг.* Возбуждать,

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 40. С. 49.

⁴ Словарь синонимов. Л., 1976.

⁵ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1988.

тормозить. *Б. вопрос о ремонте дороги* (неправильное употребление глагола “будировать” в смысле “возбуждать” есть результат контаминации французского глагола *bouder* — сердиться, дуться и русского глагола “будить”).

Показательно, что второе значение, которое «совсем выводило из себя» В. И. Ленина и к войне с которым он так настойчиво призывал, дается в словаре лишь с пометой *разговорное* (без каких бы то ни было запретительных помет!), правда, с пояснением истоков его «ошибочного» употребления.

Ср., например, там же:

«Довлеть, -еет; *нсв. кому-чему*. 1) *Устар. книжн.* Быть достаточным, удовлетворять. *Созданный им мир довлел только ему одному*; 2) *над кем (чем)*. *Разг.* Господствовать, тяготеть над кем-, чем-л. *Прошлое довлело над моей жизнью. Привычка следовать типовым проектам довлела над инженерами...*»

На основе ассоциации формы «*довлеть*» (в произношении [давл'эт']) и содержания «*давить, давить и т. д.*».

В данном случае авторы словаря сочли достаточным ограничиться лишь пометой *разговорное* вообще без каких-либо дополнительных комментариев.

Однако пуристские настроения весьма живучи. В подтверждение этого приведем пример модернизированного варианта исследования отношения к заимствованным словам и делаемые на основе результатов этого исследования выводы.

В Отделе культуры русской речи Института русского языка РАН под руководством Е. Н. Ширяева была проведена экспертная оценка некоторых заимствованных слов. Статус экспертов: 1-й — специалист, 2-й — консерватор, 3-й — нейтрал, 4-й — демократ. Шкала оценок: 1) безусловно допустимо; 2) скорее допустимо; 3) скорее недопустимо; 4) безусловно недопустимо; 5) не знаю. Диапазон оценок от -5 через 0 до +5.

«Приведем данные нашей комиссии по двум сравнительно недавним заимствованиям: *маркетинг* и широко распространенному в современной политической публицистике *саммит* (встреча в верхах). *Маркетинг*: специалист — +3; консерватор — +4; нейтрал — +2; демократ — +2; итого — +11. *Саммит* (соответственно): -4, -2, -2, 0, итого: -8.

Не составляет труда интерпретировать полученные результаты: один из ключевых терминов рыночной экономики, *маркетинг*, не имеет удачного русского эквивалента; у слова же *саммит* нет никаких преимуществ перед выражением *встреча в верхах*: будучи весьма ярким образным словом в английском, где первое основное значение этого слова “пик, вершина”, в русском это слово абсолютно “безлико”, и потому русскому языку оно не нужно¹.

Прошло 12 лет, и «ненужное» слово стало нужным и весьма употребительным в публицистическом стиле. Более того, в последние годы происходит

постепенное расширение его значения. Так, можно иногда услышать выражения типа *саммит руководителей, саммит ученых* и т. п. Прогноз, таким образом, оказался неверным.

Несомненно, между синонимическими наименованиями (в данном случае практически дублетами: *встреча в верхах* — *саммит* и т. п.) происходит постоянное соперничество, конкретный результат которого, мы, к сожалению, предсказать не можем, в частности — не можем предсказать и дальнейшую судьбу слова «саммит». Этот результат зависит от весьма большого количества как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов и определяется ведущими в развитии языка статистическими (вероятностными) законами, предполагающими, в отличие от *динамических* законов, возможность нескольких решений и реальность осуществления каждого из них только с той или иной степенью вероятности. Именно этим, прежде всего, и определяются значительные трудности и ненадежность прогнозирования (даже на основе самых изоциренных экспертиз) конкретных языковых изменений и возможность установления лишь *общих динамических* тенденций развития языка (тенденции к аналитизму, экономии, аналогии, системности, выравниванию парадигм и т. д.).

Хорошо известно, что по своему характеру развитие языка представляет эволюционное развитие. Следовательно, оно подчиняется всем общим закономерностям эволюции в их частной (собственно языковой) форме проявления². Поэтому имеются все основания утверждать, что становление той или иной лексической нормы осуществляется в результате естественной конкурентной борьбы между сосуществующими в языке (и «соупотребляющимися» в речи) наименованиями (литературными и нелитературными, старыми и новыми, исконными и заимствованными и т. д.), их самоотбора и самоутверждения, то есть *главным образом* в результате саморегуляции и самонастраивания самой языковой системы. Сказанное, конечно, не отрицает «селекционной» деятельности литераторов-профессионалов («мастеров») и кодифицирующей деятельности лингвистов-профессионалов, отражающих в научных исследованиях, а также в различных словарях, справочниках, учебниках, пособиях и тому подобном результаты объективных и беспристрастных наблюдений и обобщений, происходящих в языке изменений. Вопрос лишь в том, кто, что и как отбирает и «выращивает» (культивирует) или кодифицирует? Но это уже предмет специального разговора.

Экология современной русской культуры немислима без экологии современной русской речи, которая во многом определяется степенью ее нормативности, то есть степенью соблюдения или несоблюдения норм употребления единиц языка всех уровней, и прежде всего, как мы полагаем, номинативных единиц (лексических и фразеологических).

* * *

Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ: — Как вы считаете, Шишков переводил Петrarку прозой в силу своих лингвистических взглядов?¹

¹ Ширяев Е. Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 21–22.

Г. А. МАРТИНОВИЧ: — Я над этим, честно говоря, не думал. Я не литератор, но полагаю, что в определенной мере это, конечно, взаимосвязано.

² Подробнее об этом см.: Мартинович Г. А. К проблеме эволюции языка // Вестник СПбГУ. 1992. Вып. 2. С. 22–31; Лингвистические этюды. СПб., 1992. С. 27–41.